

В год 900-летия первого упоминания в новгородских летописях Югры Угроз-Мансийского округа выпустила первый номер литературно-художественного альманаха «Эринтур. Поющее озеро». В альманахе представлено творчество как ведущих писателей Севера А.Коньковой, Н.Коняева, Е.Айпина, А.Тарханова, М.Вагатовой, Г.Слинкиной, так и совсем молодых авторов (Г.Хорос, И.Дерябина, А.Степичева и др.). Событием этого номера, безусловно, является публикация киноповести «Ермак» Александра Корнеева (1927 — 1982). По просьбе редакции сегодня сын писателя рассказывает о судьбе отца и его киноповести.

Лит. Россия, 1997 — 31 янв. — с. 11.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ФИЛЬМ

Бескрайнее море пшеницы. Золотое, нет, оранжево-желтое, выжигающее все на своем пути Солнце. И вдруг из-за горизонта выплывает корабль. Это комбайн «Сталинец». Его тащит за собой маленький коричневый трактор. Он пылит, ворчит, пускает от натуги иссиня-черный дым из трубы. И корабль плывет, плывет, оставляя за собой ровную и широкую дорожку среди желтых волн.

И в этой бесконечности мы с моим отцом вдвоем. На маленьком-маленьком «газике». Он за рулем, а я на заднем сиденье. Тент у «газика» снят, и обжигающий степняк, ветер на Казахстане, сушит лицо, перехватывает дыхание...

Мой папа — председатель колхоза в нашем старинном русском селе Дубровное. Он большой и сильный, ему тридцать три года, и он очень-очень умный...

Вот, пожалуй, самое яркое воспоминание о моем отце — Александре Корнееве.

Летом его практически не было дома. «Я с папой!» — заявлял я, устраивался в «газике» и мотался с отцом до самой осени. В поля, на стан, в районную МТС, в райком, в соседние колхозы и опять в поля...

И по ночам, где-нибудь в степи, отец доставал тетрадку из своей командирской сумки и писал.

Это потом, став большим, я узнал, что папа в ту пору был студентом-заочником Всесоюзного института кинематографии. Был единственным председателем колхоза, учившимся на кинодраматурга в мастерской Алексея Каплера.

И все годы учебы он работал над «Ермаком». Ермак Тимофеевич был для него в жизни всем. И идеалом, и главной тягостью. Он писал его образ мучительно, трудно, долго, но с каким-то неизмеримым упоением и упорством. Он лепил его, собирал из кусочков в цельную мозаику, но вдруг, по только ему понятным причинам, разрушал и писал заново. И так долгих девять лет.

Как мы радовались, когда отец привез

из Москвы три обтянутые красным дерматином книжки! «Ермак. Киноповесть». И хотя напечатаны они были на обычной пишущей машинке, для нас это были настоящие книги. Но главное — папа окончил институт и теперь не уедет никуда-никуда!

А жили мы уже здесь, на Севере, в Сургутском районе. И папа был директором национальной школы в поселке Аган.

Интересно устроен человек. Память фильтрует, сортирует события, зачеркивая и выбрасывая в никуда плохое и высвечивая доброе.

Я помню первую демонстрацию в поселке, которую придумал провести отец. Было седьмое ноября. Мы в школе наделали из бумаги цветы, отец написал лозунги, и утром праздничная колонна двинулась по единственной улице. Километр в один конец и столько же обратно. Нас было человек пятнадцать, мы громко кричали «Ура!». Недоуменно глядели на нас соседи, а собаки буквально сошли с ума, облаивая невиданную процессию.

А еще в нашей школе был литературный кружок. Его тоже придумал папа. Мы брали рифмы Есенина, Пушкина и сочиняли по ним стихи. Это часто было смешно, неуклюже и вообще коряво, но мы с упоением просиживали в классе до полуночи, когда в поселке гасили свет, экономя сольеру.

Потом, несколько лет спустя, неожиданно заблестали неповторимые стихи Юрия Айваसेды (Валлы), сложились повести и романы Еремея Айпина...

А отцу было тесно. Мечта стать кинодраматургом тянула куда-то дальше, требовала, звала...

Пришла телеграмма: «Согласен рассмотреть вопрос о съемках фильма «Ермак». И подпись — Павел Кадочников.

Сейчас я понимаю — лучше бы ее не было, этой телеграммы. Самое страшное в жизни — обманутые надежды, когда ты после долгих лет переписок, му-

чительных дней ожидания ответа вдруг видишь, вот оно, чудо, счастье, дело жизни, рядом, но все это оказывается миражем, ирреальностью, неправдой.

Павел Кадочников писал отцу письма, в которых сообщал, что кино будет сниматься на Свердловской киностудии, что играть Ермака Тимофеевича будет он сам, оговаривал детали будущей работы над фильмом, слал телеграммы к праздникам. Отец был на вершине счастья. Мы, ребята, а нас было пятеро братьев и сестер, уже видели себя детьми знаменитости, маму было не узнать — она светилась тихой радостью...

А потом что-то случилось. Там, где-то далеко, в Москве или в Свердловске, а может быть, в Ленинграде, где жил Павел Кадочников, кто-то решил — Александру Корнееву нужен соавтор. Не стандартно как-то будет, если неизвестный доселе в кинематографических кругах автор укажет в титрах лишь свое имя.

Отец больно переживал, он нестерпимо страдал, но не смог переступить через свою гордость. И письма стали в нашем почтовом ящике появляться все реже.

Последнее было от сына Павла Кадочникова — папа серьезно болен и работа над кинофильмом переносится на неопределенное будущее. Оно так и осталось неопределенным, это будущее. Не стало отца в 82-м, Павел Кадочников ушел из жизни позже.

Мне в наследство от отца досталось несколько папок с рукописями. Басни, стихи, рассказы, письма... и «Ермак». Тот самый, в красном дерматиновом переплете, третий экземпляр. Первые два теперь уже наверняка затерялись в чьих-то чужих архивах.

Буквы, выбитые на пишущей машинке «Москва», потускнели, бумага пожелтела и стала хрупкой. Да и сам я уже седею.

Но так зримо я вижу то бесконечное пшеничное поле. Плывущий комбайн в желтом море. И отца за рулем «газика». Еще полного дерзких планов, мечтающего покоришь кинематографический Олимп и уже слагающего свою песнь о Ермаке Тимофеевиче.

Анатолий КОРНЕЕВ

Анатолий Александрович Корнеев родился в 1953 г. в с. Лебяжье Курганской области. После окончания Челябинского института культуры в 1978 г. создал в Ханты-Мансийске народный театр «Резонанс». С 1989 г. занимается журналистикой. Автор многих рассказов, публиковавшихся в местной периодике.